

С.М. Климова

ФИЛОСОФСКО-ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ ЛЬВА ТОЛСТОГО И НИКОЛАЯ СТРАХОВА

В статье рассматриваются диалогические аспекты развития философского мышления, прежде всего Л.Н. Толстого, формирующиеся в том числе и под влиянием философии Н.Н. Стрехова, прослежены пути их сближения и отдаления в ходе развития неклассической философской мысли.

диалог, понимание, творческий метод, переписка.

Поэтика XX века открыла человеку мир Другого и других, отличных от него, миров. Единственно возможным способом такого поэтического осознания стало выстраивание диалогического пространства между личностями, культурами, эпохами. И в этом проявился феномен мышления «гуманитарно-филологического как знамения нового разума (общения разумов) ¹, возникающего в XX веке, но зародившегося значительно раньше.

Наиболее продуктивно обнаружить и обнажить нерв истории возможно не столько в ходе умозрений и абстрактного конструирования с опорой на факты и собственную интуицию, сколько в чутком вслушивании в разговоры ее творцов и участников, пытаюсь раскрыть в индивидуальном общезначимое. Наглядной формой такого рода диалогизирования становится эпохальное и одновременно экзистенциальное исторически конкретное общение выдающихся людей, которых можно назвать духовными «флагманами» своего времени. Для русской культуры второй половины XIX – начала XX века к таковым, безусловно, относился гениальный Л. Толстой. Имя другого, его друга, собеседника и «сотворца» экзистенциально-исторического диалога, известного философа и литературного критика Н. Стрехова, в этой роли, очевидно, известно далеко не всем. Для нас его статус философа бесспорен ².

¹ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. М. : Прогресс, 1991. С. 23.

² В работе не ставится задача рассказать о роли Н. Стрехова в русской философской и культурной жизни своего времени. Но даже самое беглое знакомство читателей с литературными журналами 60–80-х годов XIX столетия, изучение трудов таких знаменитых личностей, как А.А. Фет, В.С. Соловьёв, В.В. Розанов, Г.П. Данилевский и других, наглядно демонстрирует постоянное упоминание и апелляцию к имени этого скромного ученого и тихого труженика науки. Не попал же он в разряд лидеров, как нам думается, по одной, всегда весомой для России причине: «никогда не выкидывал знамен», не участвовал в политических кружках – одним словом, «не шумел» (выражение В. Розанова), но чаще всего молчал, имея мысли, но не имея намерения их «теургического» проговаривания с целью «немедленного» преображения мира.

Их диалог имеет наглядно-образное воплощение. На примере 26-летней переписки Толстого и Страхова³ могут быть вскрыты самые различные пласты природы диалога и диалогического мышления, а также обнажены принципы философствования. Прежде всего, диалогизм заявлен самим эпистолярным жанром, суть которого лежит на поверхности: он непосредственно отражен в вербальном обмене идеями и эмоциональным настроем, типичным для любого письма, даже «философского», то есть имманентен эпистолярному пространству двух небезразличных друг другу людей. Здесь присутствует и эмоциональный – интимный – пласт, ведущий к исповедальности обоих. В Переписке скрыты и огромные ресурсы для обнажения (понимания) тех поворотных точек в мировоззрении, которые позволяют раскрыть и сделать более ясными причины и процессы их творческой и жизненной эволюции. Диалог просматривается и как результат философского общения, незаметно и исподволь формирующий и развивающий идеи, составившие основу дальнейших автономных произведений авторов. Как отмечала Ирина Паперно в статье, посвященной философскому диалогу Толстого и Страхова, «переписка между Толстым и Страховым в 1875–1879 гг. может быть наиболее важна в истории религиозных установлений и эволюции Толстого от литературных к религиозным сочинениям»⁴, при этом в их диалоге она акцентирует внимание на ведущей роли Толстого и ведомой Страхова.

Эта же мысль стала сквозной в статье Андрея Донскова, одного из руководителей издания «Переписки»: «При последовательном и систематическом чтении переписки в полном объеме можно проследить постепенно развитие идей и положений, которые оказались общими для обоих корреспондентов и которыми они руководствовались в жизни. Это относится ко многим основным идеям Толстого, высказанным им до и после «духовного кризиса» 1880 г. В принципе в письмах Толстого Страхову, написанных до 1880 г., присутствуют начала почти всех нравственных и религиозных идей писателя, которые он проповедовал в последние три десятилетия своей жизни... При своем, можно сказать, затворническом образе жизни в Ясной Поляне Толстой в лице Страхова получил возможность вступить в диалог со всесторонне образованным человеком, что позволило ему также быть в курсе интересов широких интеллектуальных кругов»⁵. Полностью соглашаясь с данным утверждением, неоднократно подтверждаемым в переписке, нам все же представляется, что роль Страхова

³ Ссылки даны по изданию: Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки : в 2 т = L.N. Tolstoy & N.N. Strakhov. Complete correspondence. : in 2 vols. Ottawa : М. : Гос. музей Л.Н. Толстого, 2003.

⁴ Paperno I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov: the dialogue on faith // Anniversary Essays on Tolstoy / ed. by Donna Tussing Orwin. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 97. Все ссылки даны в нашем переводе.

⁵ Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Эпистолярный диалог о жизни и литературе / Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственном музее Л.Н. Толстого. М., 2008. С. 79.

значительнее и многограннее не только в понимании целостности⁶ толстовского мировоззрения, но и демонстрации того, как это понимание вырастает. На становление Толстого-философа Страхов, как нам кажется, повлиял более других современников⁷ и в экзистенциальном, и в творческом, и в теоретико-познавательном смысле. То есть если признать мысль о том, что зачатки всех идей и творческих начал Толстого были в нем всегда, то, скорее всего, лишь как «семя», «зародыш», требуя почвы и разнообразных способов взращивания. Одним из таких способов становится диалогизирование с другими и Другим, прежде всего с философом и другом – Страховым. Именно их всесторонний диалог – напряженный совместный поиск в течение нескольких лет истинной философии и истинного метода – оборачивается открытием целостности как универсального метода новой философии, открытием толстовской формулы творчества (опять-таки по оценке Страхова), понимаемой предельно широко, и как жизнь, и как органическое (экзистенциально-религиозное) в ней бытование. Целостность Одного предполагает включение Другого в орбиту его жизни, мысли и чувств по принципу диалогического сопряжения в «единый круг» (смысловой образ Толстого), под которым следует понимать жизненное мировоззрение и Толстого, и Страхова. При этом целостность-сцепление проявляется по-разному. Для Толстого Страхов вбираем через открытость – доверительное сочувствие – к нему. Для Страхова по-иному проявляется Другой: он стремится быть в нем, идти навстречу его мыслям и чувствам, преодолеть себя ради него и его творчества. Для него Толстой не является средством самовыражения, но лишь целью, конкретным воплощением идеи кантовского гуманизма в отношении к человеку. При этом плодотворность диалога обеспечивает уникальная способность обоих слышать и понимать друг друга, что возможно лишь через взаимодействие двух независимых и равноценных и, безусловно, талантливых личностей.

Перед нами – встреча Двух, а не конструирование Другого для выражения собственной полноты. Толстой и Страхов – два одинаковых бытия, и их диалог – результат их взаимодействия; если угодно, они элементы того самого общего сцепления, целостности, к которой оба двигались и которую в конечном итоге обнаружил Толстой в открытом им творческом методе: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одно из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю),

⁶ Целность Толстого мы понимаем в страховском смысле, не вдаваясь в далекие от нас литературоведческие размышления о двух Толстых. «Я давно называл Вас цельным и последовательным писателем. Но Вы сверх того цельный и последовательный человек» (Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 552). Эта же мысль ясно прописана в «Толках о Толстом» Н.Н. Страхова. Далее попробуем обосновать это тождество писательского и человеческого через понятие жизнотворчества.

⁷ Вновь сошлемся на авторитетное высказывание А. Донскова: «Как указывает Кристиан (Cristian R.F. Tolstoy's letters : in 2 vols. N.Y., 1978) в 70-х гг. Страхов становится основным корреспондентом Толстого, опередив в этом почетном звании даже А.А. Фета» (Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Эпистолярный диалог о жизни и литературе. С. 99).

а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения»⁸. Здесь есть все: и *природа творчества* как некая целостность, выразимая и невыразимая, по сути, и *природа понимания*, которая требует тех же самых творческих оснований, и *экзистенциальная интимная*, невербальная основа, вне которой ничего нельзя понять. Получается, что целостность (сцепление) осуществляется благодаря мысли-чувствованию-переживанию одного (автора), опознаваемому в акте со-переживания в процессе диалогического выхода на другого, коим может быть не только читатель, но и сам автор. Предполагается и обратный процесс: от читателя к тексту (не автору) как этого же движения к целостности – сцеплению в единое целое текста. Понятно, что в таком диалогическом пространстве нет места не вовлеченным в диалог интерпретаторам-критикам, которых так не любил Толстой. Критик становится порочным основанием герменевтического круга, создавая новые тексты и новые интерпретации, расположенные вне диалогической целостности автора и читателя. В этом пункте значение Страхова вырастает необыкновенно, потому что он для Толстого не критик, даже уровня гениального Ап. Григорьева. Он – Другой – *со-автор понимания*. Страхов пишет: «То, что Вы говорите о критике, – бесподобно, то, что об искусстве, – удивительно. Я должен сознаться, что до сих пор не понимал ясно Вашего отвращения к критике и даже приписывал Вашему творчеству несвойственный ему характер, именно примесь к нему отвлеченной мысли, хотя вполне покоряемой творчеством. Помилуйте! Когда я вдумываюсь, то выходит у Вас такая стройность, так ясно все расчленяется, противопоставляется, оттеняет друг друга, продолжает одно другое! Теперь я должен понять, что эти чудеса нимало не происходят тем способом, которому я их отчасти приписывал, что вообще этим способом ничто художественное произойти не может... Это речь истинного художника, *формула творчества* во всей его силе и чистоте» (курсив мой. – С.К.)⁹. Благодаря открытию этой формулы, Страхов сначала откроет философию Толстого как «религию художника», а потом как Религию Великого Учителя мира. Следует указать на универсальность открытого Толстым метода, ибо целостность оказывается сопряженной с экзистенциальной интимностью (исповедальностью) – обнажением своего Я, зависящего и независящего от самого себя. Таким образом, Толстой нащупал метод целостного понимания не только литературы, философии, но и самой жизни, *ядром которого становится субъективный мир переживаний, концентрируемый в универсальных понятиях Бога, веры, любви, «жизни не для себя»*¹⁰.

Теоретическим стержнем многих пластов переписки двух мыслителей стал разговор о создании истинного типа философствования, который в итоге оказался предвидением полифонического мышления культуры начала XX века.

⁸ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 267.

⁹ Там же. С. 270.

¹⁰ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 135.

Их диалог есть наглядная демонстрация *Lebens Dynamik*¹¹ русской философии. Философия двух формировалась в форме творческого диалога, предусматривающего мышление разными способами одновременно, в сплаве художественного, философского, научно-критического, бытового и других «дискурсов»; диалога, отличного и от религиозно-мифологических конструктов «розового христианства»¹², и от позитивистских настроений радикальной, политизированной и шумящей России. Этот процесс вполне сопоставим с общими путями формирования русской философии как *неклассической* в начале XX века. *Особую остроту этому процессу придает интимная форма эпистолярного жанра, в рамках которого формируется новая философия*¹³.

Известные произведения Толстого и Страхова можно перечислить по-иному, поместив их в диалогическое пространство Переписки, ставшее психологической скрепой важнейших трудов мыслителей. Начало мировоззренческого перелома Толстого пришлось на середину 1870-х годов, когда начался активный процесс собирания себя в одно целое – поиск «основы сцепления», которую он позже найдет в вере. В этот период размышления обоих корреспондентов о природе добра, зла, рационализме, религиозной (церковной) праведности и лжи, задачах философии и т.д. схожи с бесконечными этюдами, набросками, набегамы мыслей-чувств, постоянно обсуждаемых, осуждаемых, обдумываемых и *идейно переживаемых обоими*, и носят во многом отвлеченно-абстрактный характер, не претендуют на окончательные сакраментальные и философские истины. Переписка 1870-х годов и явно, и исподволь, порой неосознаваемо для ее творцов, обнажает природу грядущего толстовского перелома и маркирует узловые переходные точки рождения нового – «внутреннего человека», и новой философии – *толстовского «исповедального» экзистенциализма*.

В письмах 1872–1879 годов пошагово выстраивается партитура будущей «Исповеди» – обнажается умственно-духовный процесс «метаний» Толстого. В это время, в 1873–1877 годах, шла работа над «Анной Карениной», которую можно причислить к общепринятой форме деятельности, к внешнему деланию «внешнего человека», чрезвычайно важному для Толстого вначале и объявленному им «пустяком» в конце, когда он только и стремился к тому, чтобы закончить надоевший роман, «опростать место» для сокровенного. Сначала свое

¹¹ *Lebens Dynamik* А. Лосев трактовал как силу воображения и *внутреннюю жизненную подвижность* русской философской мысли (Лосев А.Ф. Русская философия // Очерки истории русской философии. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 71). Практически в этом же аспекте высказался Н.Н. Страхов в письме от 21 апреля 1877: «Я убеждаюсь все больше и больше, что умственное развитие не имеет никакого логического хода, что оно управляется какими-то таинственными или, скорее, очень грубыми и явными причинами – только не развитием идей». (Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 328).

¹² Этот образ мы используем не в леонтьевском смысле неприятия апокастатических мотивов апологетов христианства, а для того, чтобы подчеркнуть ироническое недоверие к оптимистическим прогнозам мифо-теократических ожиданий наших великих соотечественников.

¹³ Впрочем, письмо как форма философствования – весьма обычный прием русского мышления, но рождение философии в ходе многолетней дружеской переписки – это нечто новое, требующее пристального прочтения.

творчество он оценивал как высшую, возложенную «по высшему повелению» обязанность: «мучаюсь и нахожу в этом мучении всю, не радость, но цель жизни»¹⁴. Цель жизни – *творчество* – совершенно осознанный Толстым сплав жизненного и творческого в единое пространство личности – главнейшее условие ее полноценного развития. Позже, ближе ко времени создания «Исповеди», мы видим в Толстом человека, относящегося к писательству как к «пустяку», «тщеславию», «прибыли», от которого, однако, он отказаться не мог – уж очень давно был вкушен «соблазн»: «Я писал, поучая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить так, чтобы самому с семьей было как можно лучше»¹⁵.

В то же самое время начался рост и развитие «внутреннего человека», постепенно сосредотачивавшего свое внимание на том, что вскоре станет узлом его жизненного напряжения: на теме религиозного сознания, жизни и смерти, цели и смысла жизни, веры, добра, красоты, на этико-культурных контекстах осмысления мировой истории, проблемах телеологии и беспричинности. Этот «внутренний – духовный – человек» формировался в том числе и в ходе умственной работы и обсуждения с другом-философом важнейших мыслей и мало-заметных другим нюансов переживаний этико-религиозных и эстетических идей, первоначально рассмотренных сквозь призму философского дискурса того времени. Философствование как поиск внешних ответов на внутренние вопросы совпало с началом «чего-то странного» в Толстом, позже названного им самим «остановкой жизни», кризисом, с последующим духовным рождением.

Нечто подобное, хотя и в другом роде, в это же самое время происходит и со Страховым. Его внутренний пиетет и безграничное уважение перед Толстым несомненны, и может быть это и порождает иллюзию его подчиненности и ведомости в переписке. То, что многие принимают за ведомость, на самом деле является проявлением страховской уникальной способности к пониманию, уникальным проявлением другого – творческого начала в человеке. Толстой нащупал важнейшую специфику страховской природы понимания как способности проникновения в мысли другого: это *правдивость* высказывающегося и одновременно его *доброта* (*доброжелательность, симпатия*) – сопереживание (сострадание) другому, которое возможно лишь при «*родстве духовной жизни*!» «Я узнал главное... о чем я догадывался всегда, что ваше сочувствие ко мне и мое к вам основано на необыкновенной родственности нашей духовной жизни»¹⁶. Как бы ни были различны эти два человека, их соединила не только близость в умственном, этическом, но и духовном – смыслопорождающем – развитии. Нам кажется, что именно эту способность М. Бахтин назвал «сочувственным пониманием»¹⁷.

¹⁴ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 140.

¹⁵ Толстой Л.Н. Исповедь // Собр. соч. : в 90 т. Т. 23. М., 1992. С.10.

¹⁶ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 215.

¹⁷ «Обычно эту извне идущую активность мою по отношению к внутреннему миру другого называют сочувственным пониманием. Следует подчеркнуть абсолютно прибыльный, избыточный, продуктивный характер сочувственного понимания... Сочувственное понимание не отображение, а принципиально новая оценка, использование своего архитектурного положения

В переписке данного периода, до 1880 года, есть несколько переломных моментов, раскрывающих для нас разные пласты взаимоотношений между корреспондентами. Таким переломным моментом стало письмо-рецензия на книгу Страхова «Мир как целое», которое стало не просто вехой в их взаимоотношениях, но эмоциональным и интеллектуальным переломом в дальнейшем течении переписки, кардинально изменившим отношения между ними. Это связано с «открытием» писателем не просто помощника в делах, грамотного корректора и тонкого литературного критика, искренне любящего его, но Страхова-философа как этически *близкого себе человека*, которому можно открыться, доверится. *Рождается дружеская интимность, связавшая этих двух людей навсегда*. Интересно, что все дальнейшие письма словно обрели невиданную до этого простоту, невербализованный эмоциональный оттенок искренности и откровенности. Книга «Мир как целое», которую мыслитель издал в 1872 году, стала для Толстого подлинным открытием Другого – друга и философа Н.Н. Страхова: «Все время Вашего отъезда (4 дня) занимался исключительно вами, – читал Вашу книгу... Я читал ее, не мог оторваться и читал внимательно... я в первый раз ясно понял Вас из этой книги»; «она произвела такое сильное действие, что я чувствую потребность написать Вам о ней»¹⁸.

Упоминания о книге неоднократны в Переписке на протяжении 70-х годов. В первом письме-рецензии Толстой тщательно разбирает достоинства и недостатки работы. Он врывается в обсуждение как философ, демонстрируя эрудицию и знание многих фундаментальных источников европейской мысли, выражая явную неприязнь к идеалистической системе Гегеля, не согласен он и с главной страховской позицией о «подмене» имманентного человеку понятия «сознание» или рефлексия абстрактным понятием «дух» как неким объективным фактором развития и совершенствования. Хотя Страхов оправдывается и объясняет ошибочность упреков Толстого, его гегельянство неизменно и самоочевидно: «За дух Вы напрасно меня упрекаете; я употребил это слово только как *известное название* того, о чем хочу говорить, а не в смысле признания особой сущности. По смыслу всей книги мир есть нечто цельное, то есть все его явления вытекают из одной сущности. Все существующее я одинаково признаю проявлением духа»¹⁹.

в бытии вне внутренней жизни другого» (Бахтин М.М. Человек в мире слова / Рос. откр. ун-т. М., 1995. С. 69).

¹⁸ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 86–87. В отличие от великого писателя профессиональная «философская публика» оставила книгу без внимания, по крайней мере, не проявляла к ней должного интереса до начала 90-х годов – времени ее переиздания. «Никто из здешних приятелей моих моей книги не читал. Статью еще можно прочесть, но книгу – кто же читает книги в Петербурге», – сетовал Страхов своему корреспонденту в апреле 1873 года (Там же. С. 107). Первый серьезный отзыв не переиздание «Мир как целое. Черты из науки о природе» (Изд. 2-е. СПб, 1892) дал его молодой ученик и поклонник В.В. Розанов в своей рецензии «Идея рационального естествознания».

¹⁹ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т.1. С. 93. Позже немецкий дух книги будет критиковать другой близкий друг Страхова – Н.Я. Данилевский. В ответ на его упреки философ еще раз подтвердит свою приверженность гегельянству, подчеркнув его бесспорное значение как методолога науки: «В том-то и штука, что учение Гегеля, над которым Вы так ругаетесь,

Толстой укоряет Страхова за то, что последний так и не объяснил выделенный им принцип отличия человека от животного, не дал определение понятию *совершенствование*, по сути так и не указал на причины самоделания-совершенствования человеком себя. Приписывание причин абстрактным понятиям – духу, Богу, идее – чужды Толстому неслучайно. В его неприязни видится предчувствие будущего тотального движения философии XX века к феноменологии и экзистенциализму. Он не может принять совершенствование и в том органическом (физиологическом) смысле, в котором рассматривает его строгий ученый Страхов. Писатель сразу заметил отсутствие в рассуждениях Страхова религиозного, а значит социально и культурно обусловленного источника совершенствования. Если в основе развития не лежит религиозно-нравственное начало, то к чему оно вообще нужно, сетует писатель, и чем оно отличается от животного, физиологического изменения. Здесь логика фактов, сталкиваясь с логикой чувств/переживаний, дает новый эффект философствования. Толстой ведь также не обосновывает, но лишь констатирует противоположное: смысл развития – в нравственном и религиозном совершенствовании. Он апеллирует ко всей истории мировых религий и культур, цементируемых этими понятиями, как к достаточному основанию доказательства истинности своей логики, и подспудно, в русле просвещенческой философской традиции, напоминает Страхову о внешней причине развития человека. Страхову же важно показать органическую «пантеистическую» связь мира, внутри которого человек есть лишь наиболее совершенное из всех существ.

Л.Н. Толстой интуитивно точно восполняет характеристику «страховско-го» рационального самосовершенствования *этико-религиозной* и экзистенциальной субстанциональностью, создавая структуру *«морального ума»*, вне которого не может быть целостного Я. «Но есть совершенствование нравственное, религиозное... Короче, это понятие добра. И понятие это таково, что нельзя про него сказать, что оно есть больше или меньше, что оно есть у человека, но его нет у животного. Оно есть у человека, оно сущность всей жизни, и потому его не может быть ни больше, ни меньше»²⁰. В.В. Розанов как человек уже другой формации более точно указал на духовное ядро этой страховской книги, которое не до конца осознавал даже Толстой: «...*религиозное* составляет ни разу не названный центр постоянного тяготения его мысли... это тяготение, однако, скрыто определяет сферы знания, литературы и искусства, которым была посвящена и вся остальная их жизнь» (курсив наш. – С.К.)²¹. Именно этот духовный центр, о котором ранее писал Толстой как об их общей основе, и позволил состояться их творческому и жизненному диалогу.

и метода Гегеля – две вещи различные и что если возможно отделиться от учения, то от методы невозможно... Логические приемы Гегеля проникли повсюду, во все науки, во все литературы, в газеты и в детские книжки. Они есть и в вашей «России и Европе», они тот воздух, которым мы дышим» (Цит. по: Переписка с Толстым... С. 139).

²⁰ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 87.

²¹ Розанов В.В. Литературная личность Н.Н. Страхова // Собр. соч. / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Республика, 1996. Т. 7. С. 213–214.

Важно и то, что Страхов никогда ничего до конца не проговаривал, не завершал свои мысли однозначными обобщениями, поэтому его тезис, что «сама жизнь есть не что-либо постоянное, определенное, но именно стремление, именно способность существа отречься от самого себя, чтобы перейти в новое, лучшее»²², хотя и содержит этические смыслы, но не акцентирует на них внимания. При этом *способность к отречению от себя*, то есть преодоление эгоизма, неважно – животного или умственного, есть самое яркое проявление нравственной природы развития, «лучшего», высшая точка совершенствования – зрелости человека, его духовно-телесной и душевной вершины. Страхов научным языком, но в то же время просто и убедительно, подчеркивает связь между знаниями и мировоззрением человека, а также нравственным чувством ответственности, которое он обязан иметь, достигнув полноты развития – совершенства. «Вот почему от человека, вполне развитого, мы требуем как долга, как исполнения нравственной обязанности, – известной полноты убеждений. Он должен сам определить свои отношения ко всем важным вопросам, как бы они важны не были. Мы даем ему на это право и виним его, если он не способен воспользоваться этим правом»²³. Тем самым Страхов опровергает тезис бесконечного прогресса/развития, позволяющий человеку уходить от ответственности за свою жизнь на пути постоянного нигилистического изменения. Для него мировоззрение складывается из зрелости ума, способного выбирать и отвечать за свой выбор, а также зрелости убеждений, сложившихся на этой основе. Здесь уже явно есть задатки экзистенциальной философии, хотя и нет призыва к «активной позиции», логически вытекающей из разумного выбора и моральных убеждений человека, как нет и религиозной составляющей мировоззрения.

Итак, мы видим, что философствование корреспондентов движется от общих рассуждений, теорий и обсуждения научных достижений того времени к собственным обобщениям этического и религиозного характера, основанным пока еще на рациональном обосновании веры/нравственности. При этом очевидно их недовольство классическими рационалистическими системами, различными к морали и смыслу жизни.

В середине 1870-х годов вопрос *о смысле жизни* оказывается в центре внимания обоих мыслителей, которые выстраивают иерархию существовавших подходов к его решению в соответствии с тремя знаменитыми кантовскими: что я могу знать (философские смыслы), что я должен делать (нравственные смыслы), на что я могу надеяться (религиозные смыслы). Толстой и Страхов солидарны в главном: смысл не обретается на пути абстрактного знания и внешнего существования – внешней активности-деятельности и внешней среды. Дискуссия развернулась вокруг второго кантовского «внутреннего» вопроса «*что я должен делать*»²⁴, но лишь для того, чтобы ответить на третий, самый главный

²² Страхов Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М. : Айрис-Пресс, 2007. С. 158–159.

²³ Там же. С. 175.

²⁴ Акцент на этом кантовском вопросе при его относительной изоляции от двух других становится специфически русским способом философствования и в Серебряном веке.

вопрос: *на что я могу надеяться* или «как спасти свою душу» (формулировка Страхова). То есть для обоих приоритет религиозных смыслов самоочевиден в поисках смысла жизни, но ответы разводят их в разные стороны. Для Страхова он разрешается в *принятии жизни* как она есть, неделании плохого, пассивном избегании лжи и обмана в своих убеждениях и поведении, в честности, которую он признает за главное моральное качество человека. *Понимание как активность в отношении к другим, но не к себе – вот в чем главное «умное дело» Страхова, его творческая активность и судьба.* Никакой внешней активности он не признает в принципе. Эту собственную позицию он называет *пассивной* и как будто стесняется такого подхода к собственной жизни. Но стоит ли уточнять, что в уникальной способности к пониманию Другого было воплощено главное этическое требование – сопереживание и сочувствие другому, вполне христианское по смыслу.

Для Толстого этот вопрос также первостепенен. Но Толстой, напротив, деятельно *активен* в поисках смысла жизни, который ищет на пути творения самого себя, в вере, так же активно им самим творимой, которая поможет ответить на кантовский «общий» вопрос: «Что есть человек?» Как отмечает Ирина Паперно: «Но он [Толстой] верил, что все три вопроса интегрируются в один: «Что я такое?»²⁵. Вопрос о собственной природе и одновременно о природе человека – «Что я такое?» – был теологическим, по мнению Толстого»²⁶. Хотя по форме их взгляды казались противоположными, по сути они были тождественны. То, что было для Страхова естественно (отстраненное отношение к миру, сохранение самого себя в чистоте чувств), станет несостоявшейся мечтой позднего Толстого (создавшего себя в чистоте своих чувств), которому никогда не удастся уйти от мира, отречься от него²⁷.

При этом надо расставить акценты и не вносить путаницу в понятия, которые часто путали сами мыслители. У Страхова есть еще одна близкая оппозиция: *наблюдатель и деятель*. Речь идет не о пассивности – безделии в жизни, а о наблюдательстве – невмешательстве в ее ход, чуждом Толстому и многим другим гениальным преобразователям жизни в то время. Он экзистенциально посторонен жизни, которая бурлит и в миллионах пассивных, молчаливых тружениках: живет очень книжно и однообразно (*Homo Legens*), не имея семейных привязанностей и интересов, кроме близких друзей и книг. При этом Страхов всю жизнь работал как ломовая лошадь за копейки (в том числе и на графа Тол-

²⁵ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 230.

²⁶ Paperno I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov: the dialogue on faith. P. 90

²⁷ В отличие от Г.С. Сковороды, которого «мир ловил, но так и не поймал», великий писатель и сегодня не принадлежит себе, становясь объектом самых разных фальсификаций и мифов. Например, его вольно созданный художественный образ в биографическом романе Джея Парини (Jay Parini) «The Last Station: A Novel of Tolstoy's Last Year» (1990) и поставленный по роману еще более вольный фильм М. Хоффмана «The Last Station» (Hollywood Sony Pictures, 2009) привели к превращению Толстого в голливудский «бренд». Примитивность подачи семейного конфликта и акценты на надуманных мотивах гомосексуальности (Толстой – Чертков) не могут не вызывать негативной реакции.

стого), не имея, как и большинство подлинных тружеников, выучившихся на «медные деньги», ни накоплений, ни богатства, ни собственного дома²⁸. Его умственная работа, стремление к пониманию других людей, идей, процессов – вот его дело и его труд. В «Исповеди» Толстой также отринул как явное уродство наглое проведение и поучительство в писательстве, а потом и во всей цивилизации, к чему он и сам был непосредственно причастен. «Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состоял в том, что жизнь вообще идет развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы – художники, поэты. Наше призвание – учить людей... Люди мне опротивели, я сам себе опротивел, и я понял, что вера эта – обман»²⁹.

Высказанное еще в середине 1870-х годов перманентное желание Страхова «молчать» позже открылось Толстому как «остановка жизни». Его пассивное отношение (в страховском смысле слова) началось с бесконечного повторения сакраментального «зачем?» и отрицательного: «И я ничего и ничего не мог ответить»³⁰.

Уже в рамках указанной дискуссии возникает то новое, что рождается в философско-религиозном дискурсе Толстого в ходе полемики со Страховым. Отвергая классический гегелевский взгляд на историю, Толстой раньше Страхова вводит в оборот важнейшее понятие неклассической философии – *жизнь*, хотя она уже вошла в орбиту их обсуждения через тексты Шопенгауэра. «Следовательно, чем более сознана эта сущность (жизнь. – С.К.), тем более... она сознана», – писал Толстой³¹. И. Паперно отмечает: «...более чем за три года Толстой старается пролить свет на религиозные взгляды или определить свое исповедание веры, но все его попытки (философские эссе, исповеди, литературный диалог) равнялись нулю. Страхов был вовлечен в большинство этих попыток, и возможно, что еще более важно, что он стал свидетелем толстовских религиозных размышлений, его борьбы в определении веры, его кризиса с «Анной Карениной», разочарования в литературе, его депрессии и отчаяния. Думаю, что следующая попытка Толстого была сосредоточена на понятии “жизнь”»³².

Но значительно раньше появления этой категории в философско-религиозном лексиконе Толстого Страхов уже чутко уловил его новации понимания жизни через художественные произведения, даже не сумев еще определить философскую или теологическую значимость жизни: «...Вы правдивый, чистый и глубоко вдохновенный писатель. Таинственные силы, управляющие людской жизнью, Вам видимы. И, по своей натуре, Вы смотрите на них с той высоты,

²⁸ Известно, что после смерти Н. Страхова, члена-корреспондента Академии наук, в доме не оказалось денег для обустройства похорон. «Тут только – это было за три дня до смерти – я узнал, до чего был беден этот человек, имевший библиотеку, несомненно стоившую несколько тысяч, даже десятков тысяч рублей, езжавший за границу и убедивший меня издать «Легенду об Инквизиторе», взяв на себя расходы» (Розанов В.В. Литературные очерки. СПб., 1899. С. 267).

²⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 90 т. Т. 23. М., 1992. С. 5–6.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов : Полное собрание переписки. Т. 1. С. 87.

³² Paperno I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov: the dialogue on faith. P. 106.

на которую могут возвести человека лишь высшие философские и религиозные созерцания. Но Вы пытаетесь сверх того подвергнуть их анализу, привести Ваши взгляды в формулы обыкновенного знания. Я заранее уверен, что результаты, которые Вы получите, будут в сто раз беднее содержания Ваших поэтических созерцаний. Посудите, например, могу ли я взгляд на *жизнь*, разлитый в Ваших произведениях, не ставить бесконечно выше того, что толкует о жизни Шопенгауэр, или Гегель, или кто Вам угодно?» (курсив мой. – С.К.)³³. Страхов здесь невольно выразил ключевую для всей русской философии мысль: философия с ее образным аппаратом и логикой вчувствования (сердечности) вышла из литературы, как из своего лона. Литература диктовала и особый дискурс для нарождающейся философии, образную систему идей и категорий, ставя русскую мысль на гораздо большую высоту, чем немецкую или какую бы то ни было другую. С другой стороны, литература создавала и единственно возможное направление для неклассической философии жизни: *экзистенциализм или, точнее, религиозный экзистенциализм*. Толстой так определил майнстрим русской философии: «Философия в личном смысле есть знание, дающее наилучшие возможные ответы на вопросы о значении человеческой жизни и смерти. В общем смысле это есть соединение в одно согласное целое всех тех основ человеческих знаний, которые не могут получить логических объяснений»³⁴.

Это высказывание из письма от 30 ноября 1875 года, которое можно считать вторым переломом в Переписке, вновь было спровоцировано перечитыванием книги Страхова «Мир как целое», а также их договоренностью писать друг другу философские письма. В письме излагается *философская позиция* Л. Толстого и его оценка всей предыдущей философии. Центр напряжения письма Толстого представляет собой размышления об экзистенциальном характере философии, рассуждающей «о значении человеческой жизни и смерти»³⁵. Вопросы, поднимаемые и решаемые в книге, теперь особенно занимают меня, подчеркивает Лев Николаевич, в особенности о различии органического и неорганического³⁶. Он выделил несколько типов философских систем: материализм, идеализм, Платон и Шопенгауэр, а также «все религиозные учения», которые «ставят настоящую цель философии и в изложении ее не научного метода... а отыскивают смысл жизни, не разлагая на составные части тех сущностей, из которых слагается жизнь для каждого человека»³⁷. Перечисляя эти сущности, Толстой вводит нас в хорошо знакомый сегодня круг экзистенциальной философии: «*Мое тело, моя душа, моя жизнь, моя смерть, мое желание, моя мысль, мне больно, мне дурно, мне хорошо, мне радостно* всегда одни и те же и не могут быть ни яснее, ни темнее, ни для дикого, ни для мудреца»³⁸. Он говорит о новой, совершенно отличной от других философии,

³³ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 257.

³⁴ Там же. С. 234.

³⁵ Там же. С. 234.

³⁶ Там же. С. 245.

³⁷ Там же. С. 232.

³⁸ Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 232.

предмет которой нельзя развить или разложить на составные части, ибо жизнь, смерть, желания... – абсолютно цельные понятия, «так как это понятия, приобретаемые непосредственно, и потому невозможно из этих понятий строить цепь какой бы то ни было необходимости... Все эти понятия не подлежат логическим выводам, все они равны между собой и не имеют логической связи... не достигаются логическими выводами, а достигаются только гармоничностью соединения в одно целое всех этих нелогических понятий, т.е. достигаются мгновенно, без выводов и доказательств и имеют только один прием доказательств – тот, что всякое другое, чем данное, соединение бессмысленно»³⁹. Таким образом, он говорит о новом – уникальном – методе познания, которого не было ни у материалистов, ни у идеалистов, но который он находит у религиозных мыслителей. Суть этого метода – схватывание жизни как целого, поиск гармонии как ядра этой целостности, понимание тех основ, которые позволяют нам «сцеплять», соединять самые разнообразные жизненные экзистенциалы в одно, неразрывное начало, определяемое Толстым как «круг или шар, у которого нет конца, середины и начала, самого главного или негативного, а всё начало, середина, все одинаково важно и нужно»⁴⁰. И если эта мысль сразу не была понята Страховым в силу ее абсолютной новизны (поэтому он ее переименовывает под идею синтеза, то есть подводит под распространенный философский метод), то спустя несколько времени Толстой эту же идею выразит в своей «формуле творчества» и сделает понимание метода универсальным, максимально сблизив философию с литературой, литературу с религией, религию с жизнью. Уже в этом письме одна универсальность такого метода, его способность охватить все ясна Толстому: «По-моему, наука в общем смысле, философия, религия – одно и то же»⁴¹.

Страхов пронесит через всю свою жизнь и четко объясняет шумящей вокруг «позднего» Толстого 1890-х годов толпе однажды рожденное понимание целостности и как метода, и как личности: «начала, которые он теперь проповедует, бессознательно жили в нем всегда и составляли душу всего, что он тогда писал... Из эстетика он обратился в нравственного проповедника, но содержание его нравственных образов и его практических наставлений осталось, в сущности, одно и то же»⁴². Его представление о целостном Толстом совпадает с его собственной философской позицией рассмотрения совершенства как высшей точки саморазвития человека. Совершенство – апогей становления Я, не совпадающий с понятием причинности, этапности механико-физиологического развития, оно «основано на уверенности, что мы можем достигнуть *настоящего, зрелого* понимания вещей»⁴³. Этого понимания Толстой достигал в каждом своем произведении, воплощая в нем полноту собственного совершенства и целостности.

³⁹ Там же. С. 233–234.

⁴⁰ Там же. С. 235.

⁴¹ Там же. С. 238.

⁴² Страхов Н.Н. Толки о Толстом // Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 136–137.

⁴³ Страхов Н.Н. Мир как целое. С. 175.

Другой пласт проблем, вскрытый перепиской исследуемого десятилетия, – это диалогическое движение Толстого и Страхова к «экзистенциализму» через взаимную исповедальность. Открытая Толстым «формула творчества» проявилась и в разговоре о себе, открытии себя через целостное сцепление своей жизни. Таким образом, Толстой нащупал метод целостного понимания не только литературы, философии, но и самой жизни, зависящей и независимой от нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Человек в мире слова [Текст] / Рос. откр. ун-т. – М., 1995. – 139 с.
2. Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры [Текст]. – М. : Прогресс, 1991. – 176 с.
3. Введенский, А.И. Очерки истории русской философии [Текст] / А.И. Введенский [и др.]. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 592 с
4. Донсков, А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Эпистолярный диалог о жизни и литературе [Текст] = Leo Tolstoy and Nikolaj Strakhov : a personal and literary dialogue / Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственном музее Л.Н. Толстого. – Оттава ; М., 2008. – 138 с.
5. Лосев, А.Ф. Русская философия // [Текст] Очерки истории русской философии. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 71.
6. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки [Текст] : в 2 т. = L. N. Tolstoy & N. N. Strakhov. Complete correspondence. Vol. 1. – Ottawa ; М. : Гос. музей Л.Н. Толстого, 2003. – Т. 1 / сост. : Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова ; ред. А.А. Донсков. – 488 с. ; Т. 2 / сост. : Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова ; ред. А.А. Донсков. – 1080 с.
7. Розанов, В.В. Легенда о Великом инквизиторе [Текст] // Собр. соч. / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : Республика, 1996. – Т. 7. – 701 с.
8. Розанов В.В. Литературная личность Н.Н. Страхова [Текст] // Собр. соч. / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : Республика, 1996. – Т. 7. С. 213–214.
9. Розанов, В.В. Литературные очерки [Текст]. – СПб., 1899. – 288 с.
10. Страхов, Н. Мир как целое. Черты из наук о природе [Текст]. – М. : Айрис-Пресс, 2007. – 576 с.
11. Страхов, Н. Толки об Л.Н. Толстом: психол. этюд [Текст] // Вопросы философии и психологии. – 1891. – № 9. – С. 98–132.
12. Толстой, Л.Н. Исповедь // Собр. соч. : в 90 т. – Т. 23. – М., 1992.
13. Anniversary Essays on Tolstoy [Text] / ed. by D. Tussing Orwin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 278 p.
14. Paperno I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov: the dialogue on faith [Text] // Anniversary Essays on Tolstoy / ed. by Donna Tussing Orwin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – P. 97.
15. Parini, J. The Last Station: A Novel of Tolstoy's Last Year [Text]. – N.Y. : Henry Holt & Co, 1990. – 290 p.

S.M. Klimova

PHILOSOPHICAL EPISTOLARY DIALOGUE OF LEO TOLSTOY AND NIKOLAI STRAHOV

The paper treats L.N.Tolstoy and N.N.Strahov's philosophical dialogues, which shaped L.N.Tolstoy's philosophical thought and reflected the development of neoclassical philosophy.

dialogue, understanding, creative method, correspondence.